

18+

Савик Трофимофф

По дорогам сна...

Савик Трофимофф

По дорогам сна...

«Издательские решения»

Трофимофф С.

По дорогам сна... / С. Трофимофф — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-510141-9

Этот рассказ композиционно выстроен таким образом, что читается и воспринимается как история одной человеческой судьбы. Как бы в дневниковые записи и наблюдения жизни вплетёна сюжетная линия духовного развития и становления молодого человека. Татьяна Тарасова, писатель, поэт.

ISBN 978-5-00-510141-9

© Трофимофф С.
© Издательские решения

Содержание

О чём	6
Пролог	7
По дорогам сна...	8
Конец ознакомительного фрагмента.	13

По дорогам сна...

Савик Трофимофф

Корректор Анна Вербилова

Оцифровка Андрей Ратников

© Савик Трофимофф, 2021

ISBN 978-5-0051-0141-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

О чём

Этот рассказ композиционно выстроен таким образом, что читается и воспринимается, как история одной человеческой судьбы. Как бы в дневниковые записи и наблюдения жизни вплетена сюжетная линия духовного развития и становления молодого человека.

Я считаю, что такие рассказы имеют место быть, это особенно интересно в наше компьютеризированное время. Время, когда особую ценность имеют деньги, а не душа и не культура. Многие нравственные понятия искажены: люди стремятся как можно выгоднее повернуть сделку, как можно выгоднее выйти замуж, как можно выгоднее устроиться в жизни. И мало кто посвящает себя любимой, но мало оплачиваемой работе, творчеству по призванию. Да мало ли в нашей жизни проблем, но ведь жизнь, она должна строиться на прочной вере. Кто слаб духом, тот слаб и в жизни.

Надо уметь увидеть себя изнутри, увидеть своё истинное «я», наверное, и не зря к нам являются такие сны. В них мы видим своё негативное отражение.

Татьяна Тарасова, писатель, поэт.

Пролог

Ещё один день канул в вечность. Он не повторится, он не вернётся никогда, и что бы мы ни делали, как бы мы того ни хотели, его уже нельзя изменить. И то, что произойдёт сегодня, завтра уже невозможно будет исправить. Придётся жить со всем этим: с теми мыслями и воспоминаниями, которые нам, возможно, хотелось бы забыть. Но время – хороший врач; каждый день, каждый миг отдаляет нас от тех или иных событий, и скоро воспоминания о них превратятся в мёртвый груз и словно песок, песчинка за песчинкой, канут в пустоту. О некоторых из них мы будем жалеть, от других же будем рады избавиться. Память – странная штука: вроде бы ты помнишь всё и знаешь своё прошлое, но чаще и чаще в голову приходят мысли – было ли это, действительно ли это произошло или всё просто приснилось...

Ещё один день канул в вечность, пустота поглотила его. Нам никогда не удастся пережить его заново. А впереди, впереди неизвестность, ещё более страшная и жуткая, чем пустота. Что же остаётся для жизни, если позади пустота, впереди – неизвестность? Жизнь – это тонкая грань между «было» и «будет», это секунда, мгновение, данное нам, чтобы платить вечности. Но платить надо с умом, дабы не было обидно ни за безызначность, ни за пустоту. От этого мгновения зависит многое: и будущее, и счастье, и вся жизнь...

Каждое мгновение – это борьба. Но тот, кто умеет платить, будет победителем, кто не умеет – будет вечно ругать пустоту и всех в этом мире, так и не осознав, что сам виноват в том, что не удалось, что он не совершил главного... Всё, всё зависит от самого человека, внутри нас берут начало и неизвестность и то, что я назвал пустотой, даже вечность берёт исток в человеке.

Человек – царь всего живого, женщина – царь человека, его разума, мыслей, инстинктов. Только зачастую цари становятся пешками, это происходит тогда, когда они смотрят в пустоту, а не вперёд, не в будущее. Не пора ли начать сжигать мосты, идти вперёд, идти к свету, за светом; главное – не споткнуться. А для этого надо слушаться сердца и никогда не забывать о голове, что есть (дай бог!) на плечах.

По дорогам сна...

*Оно горит, оно сильнее меня, оно хочет вырваться наружу,
но обречено на смерть в одиночестве.*

Золотая осень. Опавшие листья, словно всё золото мира под ногами. Холодные реки, мутные воды уносят богатство куда-то вдаль, наверное, в прекрасные страны, к иным людям, добрым и счастливым, которые умеют ценить и почитать добро...

Деревья голы. Они полны стыда и печали, а мокрый осенний дождь пытается смыть грусть с их стволов... Маленькая заброшенная сцена. Когда-то по праздникам здесь пели песни, плясали, водили хороводы люди. И всем было весело, здесь сбывались мечты, открывались таланты. Всё было для людей, во имя людей. Но прошло время, и дети тех людей пришли и разломали эту сцену, испортили её иностранными полуприличными фразами. Что же случилось? Может, им не понравился цвет, в который была окрашена сцена, ведь многие сейчас дерутся из-за цвета? Не знаю... Но всё это навеивает не лучшие мысли.

А с неба всё падают листья, холодный ветер подхватывает их, кружит, и тихо опускает на землю. Всё в тоске, всё готовится к спячке. Природа жаждет перемен.

Рядом пруд, говорят, раньше здесь были лодки, их давали напрокат, и каждый мог плавать, воображая себя капитаном очередного гиганта Титаника. Каким огромным спросом пользовались, наверное, лодки у новоиспечённых парочек. Как это было романтично, как это было давно... Теперь этот пруд – нечто вроде большой лужи, местные жители иногда сбрасывают сюда ненужные вещи, бытовой мусор и ещё бог весть что. Водоём зарастает ряской, камышами, а скоро, наверное, превратится в обыкновенное болото... Летом как-то не замечаешь такого в парке. Всё покрыто зеленью, светит яркое солнце, и хочется петь, и радоваться жизни. Осенью всё иначе...

Иду по парку, собираю листья. Давно этого не делал (хочется детства), вкусив чуточку всех прелестей современного мира, я, словно ребёнок, скривил губы, но как бы там ни было, придётся жить со всем этим: и с теми людьми, что разломали сцену, и с теми, что плюют в пруд – со всем этим. Если не понравится, то можно *уйти*. Если смириться, то станешь таким же, как и они. Но можно уехать, говорят, в Москве совсем иная жизнь, но в Москве меня никто не ждёт... И всё же красивый парк, красивые листья, и у меня уже полный букет, иду домой...

* * *

Напротив бывшей почты, увязнув в грязи, стоит грузовая машина, рядом толпятся люди, есть среди них и довольно хорошо одетые, но в основном одна беднота в стареньких потёртых пальто разного цвета, с накинутыми на голову тёплыми платками, в рваных стоптанных осенних бурках. Все как одно. Толпа. Их привлёк запах тёплого свежеспечённого хлеба. Этот мягкий приятный запах здесь повсюду и, пожалуй, не нашлось бы никого, равнодушного к нему. Хлеба в этом маленьком, богом забытом городе не видели давно; казалось, и урожай был хороший, и обещаний про сытную осень и зиму вдоволь было выслушано; может, просто держат в запасе на случай очередного кризиса. Как бы там ни было, простые люди давно соскучились по свежесму хорошему хлебу. Вот открывается машина, и начинается долгожданная распродажа. Все галдят, скорей норовят сунуть деньги и быстрее уйти отсюда. Очередь быстро продвигается. Не теряется в толпе лишь один юноша на вид лет 17-ти, он так же неважно одет, но есть что-то, что резко отличает его от остальных. Он подходит к машине, не сводя глаз с очередной чёрной краюхи, которая лежит рядом с весами продавца. Чёрт знает, что за мысли посещают его голову. Но не виноват же он в том, что у него нет денег?

Момент, и мальчуган цепкой грязной рукой хватается хлеб и бежит прочь от машины. Все в панике, кто-то крикнул: «Держи вора!», кто-то побежал вслед, но юноша, увязая в грязи и спотыкаясь о камни, скрылся за серым углом каменного дома; словом, был таков.

* * *

Дороги в парке размыты: тут, здесь, там – везде грязь, лужи. Они настолько огромны, что порой мечтаешь о более удачных средствах передвижения. Ещё и холодная грязь, которая так и стремится попасть на твои башмаки. Промокают ноги. Говорят, что где-то на рынке продают специальный крем для осенних ботинок и, если отполировать свою обувь этой массой, она (обувь) станет неприступной для любой лужи. Говорят... Но надо идти, искать, к тому же нет денег...

Полный букет листьев, иду к дому. Навстречу бежит собака, низенькая, лохматая, с очень добрым человеческим взглядом. Жаль, что не разбираюсь в породе. Вообще, собак боюсь с детства, помню, однажды довелось испытать на собственной спине собачью хватку, тогда жутко перепугался, потом наложил на собак табу. Однако эта очень даже добрая, на вид ласковая. Люблю ласковых, ласки так не хватает в нашем мире, где порой иные люди хуже всяких собак. Останавливаюсь, хочу погладить. Всё моё удовольствие нарушает хриплый мужской голос: «Дик, ко мне, Дик». Собачонка быстро повернула голову и побежала прочь, прощально виляя хвостом.

Тоже обернулся. За моей спиной, около столба стоял, по-видимому, хозяин столь лохматого создания. Юноша, одетый в тёмную поношенную куртку, на которой расхотелась молния, в синих драповых брюках тоже не первой свежести. На ногах разглядел стоптанные напрочь ботинки, которые, наверное, жуть как промокают; на голове – тряпичную кепку, явно иностранного происхождения (об этом свидетельствовала непонятная надпись, выведенная полупрелыми жёлтыми нитками).

Вообще, нехорошо одетые люди меня, прямо сказать, отталкивают. Я сам бываю иногда плохо одет, и меня это очень раздражает. Таких людей стараюсь избегать. Впрочем, одежда – это самый последний критерий в оценке людей, к тому же этого парня я знал. Казалось, совсем недавно учились в одной школе, с разницей класса в два (уже и не помню). Ах, добрая советская школа, тогда мы даже и не подозревали о том, что нас ждёт за её стенами, под крышей детства всё виделось совсем иначе, не было того страха перед будущим, неизвестным и туманным будущим, которое сейчас так близко. Тогда я не боялся за завтрашний день, я ложился спать, зная, что завтра будет всё так же, так же хорошо, так же ясно. Теперь я не знаю ничего, не знаю, что будет не то что бы завтра, а даже в ближайший час. И, наверное, не я один испытывал такие чувства...

– Лёша, здравствуй, – проскочило само по себе. В ответ парень кивнул головой.

– Ну, как она... жизнь-то? – снова спросил я.

– Нормально.

– Собака твоя?

– Моя.

– Как звать, Дик?

– Дик.

– Странное имя.

Разговор был неприятен, казалось, для обоих, и я решил скорее отправиться восвояси. Попрошавшись, пошёл к дому. Хотелось поскорей вымыть руки, уж слишком они пострадали после рукопожатия с Лёшей. Снова дома, чашка горячего чая, и всё в норме. Хорошее настроение, уют, тепло, дом, слегка постаревшие родители, что ещё нужно, казалось бы, для настоящего счастья. Вдруг – странная мысль, подумал об Алёше. Помню, ещё в школе кто-то говорил,

что у него нет ни родителей, ни дома, ни уюта. Воспитание дала бабушка. Наверное, сейчас он у неё, так же как и я, сидит в тёплом кресле, пьёт чай и смотрит по телевизору очередной сериал.

Тогда я не знал об истории, которая случилась у почты два дня назад, не знал и того, что Лёшина бабушка уже два года как умерла. Учёба заброшена, на работу не берут, а бабушкино наследство прибрала к рукам какая-то страховая компания. И сейчас, когда я смотрю фильм, он в окружении своего лохматого друга бродит по парку, ища приют, ночлег.

Смеркается, на землю опускается лёгкий туман, и осенняя прохлада окутывает всё вокруг. Солнце уже давно зашло за горизонт, оставляя за собой багровую полосу заката, которая потихоньку растворяется в бесконечном чернеющем небе. Совсем скоро на нём появятся звёзды, засверкает луна, и настоящая ночь вступит в свои права. Она пройдёт мимо каждого кустика, мимо каждого дерева и дохнёт на них своей одинокой осенней прохладой. И весь мир, все звёзды будут пред тобой, всё золото мира будет под ногами. Словно весь мир у твоих ног... скучный и ненужный.

* * *

ОН шёл медленно, бесшумно, твёрдо ступая на грязную, размытую дождями дорогу. *Рассвет шёл за ним.* На своей спине ОН нёс огромный деревянный крест, до того холма оставалось немного...

Обезумевшие от страха люди смотрели вслед конвою. Все, все они стояли с открытыми ртами, все думали, что близки к истине, но та их истина была обречена.

Вели осуждённого, днём раньше был суд, и не судья вынес вердикт этому бедняге, приговор огласил народ: распять. Теперь дело оставалось за малым. Кто-то, по-видимому, знавший «преступника», выбежал из толпы и кинулся на конвой. Солдаты были готовы и к такому ходу событий, слишком многие знали обречённого лично. Кто-то с яростью крикнул: «Люди, что же ВЫ делаете?!». ОН обернулся, вмиг смолкла толпа, конвой остановился. «Оставь их, ибо не ведают, что творят», – вылетело из ЕГО уст и свободной птицей разнеслось по толпе. Это были ЕГО последние слова. ОН, про кого ещё совсем недавно говорил весь Иерусалим, остался беззащитен перед этой участью. Многие считали ЕГО шарлатаном, многие не присягнули на веру отцу ЕГО, иным нужны были доказательства ЕГО правоты. Они так и не поняли, что чудеса творил не ОН, чудеса творила вера в НЕГО, полная вера во спасение. Именно такие люди были уверены в том, что смерть ЕГО не произойдёт, ибо ОН всемогущ; и они кричали: «Распни его! Распни...!»

Крест установили на высоком холме, позже этот холм будет знать весь мир, этот холм будет внутри у каждого из нас... ЕГО положили на крест, солдат вбил гвозди в ноги и руки ЕГО. ОН был распят. Люди долго не уходили с холма, иные кричали, как бы насмехаясь над НИМ: «Сойди с креста, и уверуем, что ТЫ истинно сын божий». Но ОН не сделал этого, ОН не хотел, чтобы вера была привита чудом, ОН не хотел лишать людей свободы. Именно поэтому во время искушений ОН не обратил камни в хлеба, дабы не повести народ за собой насильно. Именно поэтому ОН и должен был умереть. Умереть, приняв крест на себя. Умереть, дабы воскреснуть, явиться к тем людям, которые верили в НЕГО, подтвердить, что вера их истинна... И ОН воскрес. ОН пришёл в мир людей вновь, чтобы остерегать и направлять их, но никак не управлять ими. ОН пришёл и уже навсегда.

* * *

На огромных часах пробило двенадцать. Ах, двенадцать...! Уже никого нет в парке, он пуст и тёмн. Когда-то, совсем недавно, здесь горели фонари, ныне они горят лишь в богатых

районах и крупных городах... Холодает. Всё меньше и меньше появляется людей, многие уже спят, иные быстро, не оглядываясь, проходят через парк, идя в свои скромные жилища, даже стаи голодных псов мечутся по улицам в поисках ночлега. Беззаботен лишь один – Дик. Он уже привык к частым ночам под открытым небом. Привык к ним и Алёша, который уже, наверное, и забыл, как выглядит тёплая мягкая постель, забыл, как выглядят добрые, ждущие его люди. В существовании последних он очень даже сомневался.

Подул холодный ветер, стал разметать листья, собирать последнюю дань с уже давно обедневших голых деревьев. Листья слетали с ветвей, подолгу кружились в воздухе и падали на мокрую грязную землю, всеобщую мать, исколотую и истоптанную. Они замечали бывшую танцплощадку. Когда-то здесь были дискотеки (особенно летом), теперь в этих развалинах живёт Лёша со своим единственным понимающим его существом – Диком. В их доме, маленьком заброшенном сарайчике, раньше размещалась аппаратура для дискотек. Жирные, богатые дяди ходили вокруг, покупая пиво и сигареты своим дамам.

– Какими же они были, наверное, счастливыми, – думал Лёша, он думал и голубыми глазами по-детски смотрел на листья. Как те, будучи резным букетом, ярко-осенней кроной деревьев, падали в грязь и меркли в серости и безликости общего: тоске, грязи, разрухе. – Как они могут, такие красивые, падать на такую грязную землю? Неужели у них такая судьба? Неужели ничего нельзя исправить? – Из глаз Лёши потекли горячие солёные слёзы, они текли по его худым розовым щекам, капая на старую тёмную куртку.

Заскулил Дик. Он будто всем своим собачьим сердцем понимал, как плохо его хозяйину. Но одного не мог понять: почему Лёша не может кормить его вкусными косточками, как это делают другие хозяева собак, почему Алёша и он живут в этой конуре с протекающей крышей, почему его хозяин постоянно плачет, почему, почему, наконец, это всё происходит? Отчего люди придумали себе такие глупые и непонятные законы, разве их нельзя изменить? Это не укладывалось в маленькой голове лохматого друга, и он, чтобы подбодрить своего опекуна, залез к Алёше на грудь, со всей собачьей нежностью начал лизать Лёшину щёку, словно вытирая слёзы с расстроенного лица. Вскоре пёс сладко заснул. Но юноша не спал. Он смотрел на листья и думал об их красоте и беспощадной участи, которая его ожидает. Неужели ничего нельзя исправить? Он забылся...

– Значит, вы верите в судьбу? – громкий мужской бас нарушил сон. На небе уже не было звёзд, стих ветер, горизонт обагрился зарёй. Светало.

– Значит, верите? – повторил громкий бас.

Лёша, только успокоившийся, открыл слипшиеся от высохших слёз глаза, и восходящее солнце на миг ослепило его. На фоне прекрасной нежной зари он увидел ЕГО, человека средних лет, очень приятной наружности, его карие, точно чёрные глаза, сверкали алмазным неестественным блеском, прикрываясь длинными чёрными ресницами. Этот взгляд манил, казалось, все сокровища мира таились в том взгляде. Он пронизывал насквозь, шёл прямо в душу, всё перед ним было голо и незащищено...

Дорогой атласный костюм, никак не сочетавшийся с общим колоритом (грязь, чернь), ярко выделялся из общности и, словно большой фонарь, зажигал всё вокруг. Из-под рукавов выглядывали чересчур длинные, жилистые руки с очень большими для мужских рук пальцами. «В чём же тут приятность наружности?» – спросите вы, но вы не знаете, что это был за человек, он, словно магнит, притягивал к себе человеческие симпатии; то ли дело было в дорогом одеколоне, то ли в длинных густых и чёрных, словно дёготь, волосах, которые свисали на сверхдорогую ткань пиджака, то ли что-то другое привлекало внимание к нему.

Казалось, этот человек, не раз покоровивший сотни женских сердец, пришёл, чтобы творить и насаждать добро. И вот он тут, рядом с Лёшей, и жизнь Лёши непременно должна измениться. Не знаю, почему, но Алёша, когда увидел этого человека, подумал именно так. Он знал, что всё будет хорошо, но неизвестно из-за чего снова стал плакать – вот какое впе-

чатление произвел на Алёшу ОН, этот прекрасный человек. Но, взяв себя в руки, юноша, окинув ещё раз взглядом незнакомца, вернулся к своему ещё не проснувшемуся разуму, и ему стало жутко и неудобно. «С чего бы это богатый прохожий в столь ранний час подошёл бы к такому нищему как я и стал бы его спрашивать про судьбу и прочие глупости?» – промелькнуло в голове Алёши. – «Может, ему что-то надо... убийца... маньяк, сколько сейчас таких?!». Разные чёрные мысли быстро прошли у юноши в мозгу, и огромный комок в горле помешал выражению радостных эмоций. Алёша, словно испуганный волчонок, отскочил от незнакомца и вот уже собрался со всех ног броситься куда подальше, когда незнакомец вынул из кармана жилистой рукой пару банкнот и протянул их беглецу.

– Не бойся! На, возьми!

Совсем сбившийся с толка Лёша, не понимая, что происходит, тихо выронил: «Зачем?» Далее произошло то, что многие бы назвали немой сценой. Вдруг незнакомец вновь заговорил:

– Не бойся, я не убийца и не маньяк, как ты, наверное, подумал, моё имя Самаэль, я болгарин, вот уже десять лет как ещё и путешественник. Я побывал во многих странах, теперь моё внимание завоевала Россия, был во многих ваших городах – и малых, и больших, видел множество людей, говорил с ними, помогал им. Меня очень интересует их психология, поступки, судьбы, я, должно сказать, исследователь человеческих отношений и повадок, ну и просто милостивый человек.

– Путешественник, исследователь, болгарин, – не укладывалось в голове Лёши, – да у него и акцента никакого нет, и выглядит как-то странно, что-то тут концы с концами не сходятся... А откуда он мог знать, что я подумал?

– Я вырос один, без матери, без отца, – продолжал Самаэль, – *моя мать – заря, мой отец – путь*. Если бы кто знал, через что мне пришлось пройти, чтобы вот так тут с тобой разговаривать! Не пугайся. Возьми деньги, поверь мне, я знаю, что значит один, что значит ночевать под открытым небом, стучать в запертые двери, разбивая в кровь кулаки, просить милостыню под воротами, терпя всю ненависть и унижение от людей чёрствых и глухих к чужому горю, к чужой жизни. На, возьми!

– Стоит ли ему верить? – подумал Лёша. Он посмотрел в глаза незнакомца и, обжигаясь его взглядом, прочёл в них: «Верь мне!».

Лёша поднялся с земли, встал в полный рост, подметя, что незнакомец был много выше его, собрал все силы, что были, и быстро взял деньги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.